
УКРАИНА: РАДИКАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА ПОСТРОЕНИЯ НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА

М.В. Космачев

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу процесса строительства нации-государства в современной Украине. Условия построения государства и сохранения Украины в границах бывшей УССР ставили украинскую политическую элиту перед необходимостью сохранения статуса-кво и лавирования между практиками конструирования надэтнической общности в форме нации-государства либо в форме империи. Насильственная смена власти на Украине в феврале 2014 г. и ход дальнейшего противостояния свидетельствуют о приверженности пришедших к власти элитных групп курсу ускоренного построения нации-государства в ее радикальной форме. Реализация выбранного курса возможна только через этнонационализм и этнические чистки.

Ключевые слова: Украина, нация-государство, надэтническая общность, политическое пространство, региональная идентичность, этнонационализм, федерализм.

Процесс построения нации-государства на Украине в течение 20 постсоветских лет представлял собой смесь ползучей украинизации общества, построения гражданского общества по западноевропейскому образцу и поиска геополитической, исторической и культурной субъектности через формулу «Украина — не Россия». Государственный переворот 2014 г. стал отправной точкой для ускорения и радикализации указанных процессов. Построение нации-государства на Украине за несколько лет является не самодостаточной целью, но необходимой для ее дальнейшей интеграции в европейское пространство («Украина — это Европа»).

Ускорение и радикализация данных процессов означает не только разрушение постсоветской надэтнической общности на Украине, но и использование этнонационализма для «очистки» пространства от «инородных» элементов. Таким образом, для ускорения достижения конечной цели («Украина — это Европа») украинская политическая элита сталкивается с проблемой построения национального государства («Украина для украинцев») с использованием инструментария, оправдывающего и обосновывающего проведение этнорелигиозных и антикоммунистических чисток («Украина — анти-Россия»). Последствия проведения подобной политики губительны и ставят под вопрос существование украинского государства.

Наличие серьезных противоречий (и даже раскола) на Украине и их системный характер (язык, религия, аграрный Запад — промышленный Восток; отношение к истории, к России и ЕС; антагонистическое восприятие друг друга, и как следствие, различие в политических предпочтениях) воспринимались большинством исследователей постсоветской Украины как данность. Противоречия стали

объектом внешнего (Россия и США, ЕС) и внутреннего воздействия (политические элиты и внесистемные акторы, которые играют на этом). При этом политические элиты Украины на протяжении всего периода независимости пытались извлечь выгоду из противоречий и управлять различиями. В частности, подробный анализ развития украинского кризиса можно найти в работах российского исследователя С. Жильцова [9; 10].

Однако в исследованиях украинского кризиса не учитывается гибридность украинской политической системы (наличие элементов имперского управления и институтов гражданской нации). Гибридность возникает в ответ на сложность, мозаичность и противоречивость украинского общества, постсоветского по своему родовому признаку.

Постсоветские украинские политические элиты, в свою очередь, осознанно или интуитивно проводили гибридную политику, сочетавшую элементы нации-государства (построение гражданского общества, правового государства и т.д.) и империи (иерархия отношений, особый статус регионов, этносов, социальных групп, «ручной» режим управления), что привело к формированию особого политического пространства, идентичность игроков которого определяется через отношение к внутриукраинскому расколу.

Понять генезис украинского кризиса на современном этапе возможно только исходя из анализа процесса построения нации на постсоветском пространстве.

Необходимо отметить, что проблема нациостроительства в современной Украине поднимается в исследованиях Е. Кузнецовой, А. Миллера, В. Гельмана, С. Ефимова и др. [см.: 5; 7; 14; 17] и рассматривается через призму языкового раскола, кризиса этнической самоидентификации русских на Украине. Но вместе с тем не учитывается необходимость взаимоувязки кризиса нациостроительства на Украине с развитием кризиса постсоветской надэтнической общности, механизмы которой продолжают функционировать несмотря на повреждения, которые ей наносятся. При этом в исследованиях при описании становления государства в современной Украине ключевым является тезис о том, что украинское нациостроительство имеет ярко выраженный этнонационалистический характер.

Исследование процесса построения нации-государства на Украине возможно, прежде всего, с учетом особенностей развития кризиса постсоветской надэтнической общности в новообразовавшихся государствах бывшего СССР. Генезис государственности на постсоветском пространстве предлагает нам различные варианты распада единого политического пространства и попыток конструирования новой общности (или отказ от таких попыток) и должен быть рассмотрен сквозь призму имперских и национальных дискурсов и практик.

При исследовании постсоветской надэтнической общности необходимо исходить из ее гибридного характера. Гибридность современного постсоветского пространства (в том числе и на Украине) проявляется в использовании двух противоположных подходов при построении государства и использования этничности как ресурса: национального (модернистского) и имперского (традиционного).

Элементы нации-государства (построение гражданского общества, правового государства, непосредственная связь с индивидом в обход групп и т.д.) и импе-

рии (иерархия отношений, особый статус этносов, социальных групп, «ручной» режим управления, доминирование групповых идентичностей над индивидуальными) используются политическими элитами (и контрэлитами) как способы организации политического пространства и способы конструирования надэтнической общности.

При изучении проблемы трансформации гетерогенных этнических и культурных пространств в гомогенные нации-государства, отношения к этничности как источнику идентичности и обязательств в нациях-государствах и проводимой политике по отношению к этносам автор опирается на работы Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Смита, Э. Хобсбаума, К. Калхуна, В. Малахова, Э. Ренана и др. [см.: 1; 4; 12; 15; 21; 26].

Проблема в определении «нации-государства» состоит в том, что здесь одновременно присутствуют два значения: гражданской (политической) и этнической (культурной) общности (1).

Карл Дойч предложил считать «нацией» «народ, обладающей государством» [15. С. 27]. Такое определение представляется грубым и ограниченным, но оно позволяет нащупать разделительную линию между этносом и нацией: строительство государства на основе тождества ее членов. При этом одновременно и общность людей создает государство (национализм), и государство конструирует определенную общность людей, определяемую как нация (нациостроительство). Вместе с тем нациостроительство является процессом всегда незавершенным, поскольку его конечной целью является унификация различий и тождество всех членов общности друг другу.

Необходимо отметить следующие факторы, ухудшающие условия построения нации-государства и ставящие под вопрос возможность сохранения надэтнической общности на Украине.

1. Внешнеполитические факторы

1.1. Стремление США сделать Украину опорной точкой влияния в регионе, с одной стороны, и стремление России сохранить Украину в зоне своего влияния, с другой, что приводит политическую систему Украины к перманентной точке бифуркации, т.е. выбору цивилизационного пути.

1.2. Фактор влияния Польши (дополнительный фактор усиления противостояния между западными и восточными регионами Украины), Венгрии, Румынии и Турции.

2. Фрагментированность украинского политического пространства

2.1. Отсутствие у Украины единого экономического и политического центра (авторитет Киева как столицы государства изначально недостаточен).

2.2. Конфликт и даже антагонизм региональных идентичностей (каждый регион Украины (группа регионов) обладает собственным уникальным историческим, культурным и этническим опытом).

2.3. Сложившаяся партийная система действует по географическому принципу, опираясь на те или иные регионы страны.

3. Искусственность существующих административно-территориальных границ.

4. Языковой раскол (насильственная украинизация всех сфер общественной жизни).

5. Религиозный раскол (наличие трех враждующих друг с другом православных церквей).

6. Доминирование в политическом пространстве финансово-промышленных группировок, образовавшихся в результате сращивания крупного капитала с государственным аппаратом (характерная для постсоветского пространства олигархическо-номенклатурная конфигурация политической элиты).

7. Несбалансированная структура экономики Украины (советский промышленный Восток и аграрный Запад).

8. Демографический кризис (депопуляция населения).

Казалось, с учетом этих факторов, для сохранения государства в тех границах, которые она приобрела в 1991 г., Украина должна была (осознанно или интуитивно) выбрать политику сохранения статуса-кво, поскольку любое движение в сторону построения новой надэтнической общности (в форме нации-государства или империи) или создания этногосударства может запустить цепочку непредвиденных последствий, способных привести к распаду государства и кардинальной реорганизации внутриобщественных отношений. Любое несбалансированное движение будет иметь мультипликативный эффект и приведет к умножению существующих (и потенциальных) антагонизмов.

Однако в действительности на Украине кризис самоидентификации гражданского общества и элит, заданный самим фактом провозглашения независимости, лишь нарастал на протяжении 20 лет и не привел к приобретению субъектности (2). Взаимообусловленные исторические, этнические, культурные и экономические противоречия сплелись в единый клубок, и решение комплекса проблем и вызовов могло быть только системным. Единственным возможным ответом на приобретение Украиной независимости и суверенности могло быть построение новой надэтнической общности либо в форме нации-государства, либо в форме империи.

Создание нации-государства требует не только политической унификации и лояльности, но и социальной и культурной однородности. Поскольку гомогенность и единообразие являются основой существования нации-государства, то этнические и религиозные различия приносятся в жертву будущему единству. Так, например, идеологи современной Турецкой Республики создавали нацию по образцу, который требовал внутренней однородности, что вело к переформатированию гетерогенного этнорелигиозного пространства Османской империи. В результате принуждение к однородности идеологов турецкого национального строительства сопровождалось тактикой «выжженной земли» и привело к геноциду армян, греков, ассирийцев [12. С. 170]. При этом яростное отрицание турецким правительством факта геноцида армян, греков и ассирийцев является неизбежным, поскольку само признание подрывает легитимность турецкой нации и ослабляет иллюзию общности внутри страны.

В свою очередь, построение надэтнической общности по имперскому принципу требует объединяющей инклюзивной идеологии и наличия единого субъек-

екта принятия решений (политического центра). Однако идеологический вакуум, фрагментированность политической элиты и отсутствие политической силы, одинаково поддерживаемой во всех регионах страны, исключали возможность построения надэтнической общности в рамках существующей политической системы.

Распад советской модели общества на Украине привел к атомизации и фрагментированности общества, а расстраивание единой системы распределения благ, ресурсов и статусов привело к фрагментированности политической элиты и перманентной борьбе. И общество, и государство лишились единого основания и не смогли предложить альтернативу.

В результате дискретность политического пространства стала использоваться как один из ключевых ресурсов для легитимизации притязаний элитных группировок на власть.

Раскачивание противоречий особенно остро проявлялось в каждый электоральный цикл. Избирательные кампании строились на географическом принципе электоральной поддержки партий или отдельных кандидатов. На выборах президента всегда выдвигался кандидат от западной части и кандидат от восточной части Украины.

Каждый электоральный цикл выявлял расклад сил основных региональных игроков, однако эти игроки, используя различия как ресурс, не могли создать устойчивый баланс сил. Когда различия становятся основным ресурсом, единство становится препятствием, хотя публично это не признается. Описываемые процессы неизбежно приводят к росту уровня региональной самоидентификации в ущерб процессу становления единой гражданской нации.

Обострение конкуренции внутри политической элиты Украины, сопровождавшееся кризисом легитимности власти и разбалансировкой политической системы страны [см.: 20], дважды (в 2004 и 2013—2014 гг.) вывело борьбу за власть в острую фазу, когда основные игроки были вынуждены запустить процесс мобилизации своих сторонников (по региональному принципу), что привело к перманентной политической нестабильности.

В отсутствие единой системы ценностей и единого основания как внутри общества, так и в отношениях «государство—общество», происходит резкая девальвация легитимности всех институтов, образующих каркас политической системы страны. Все компоненты политической системы, изначально не справлявшиеся с интегративной функцией ввиду аморфности ценностных оснований и бессубъектности государства, либо перестают функционировать, либо работают на разъединение и используются различными политическими игроками. Кризис надэтнической общности (или отсутствие общности как таковой) всегда происходит в отсутствие признаваемого всеми и обладающего авторитетом верховного арбитра — Конституции (или иного текста, имеющего сакральный статус), политического лидера (вождя), партии. Апеллировать к Другому посредством единого основания невозможно, поэтому остается только бороться за частное (частичное), претендующее на роль Целого.

Особенностью политического кризиса 2013—2014 гг. на Украине является попытка радикального решения вопроса построения нации-государства. Для по-

строения нации-государства в современной Украине на протяжении 20 лет пытались использовать два инструмента — этничность и гражданское общество. При этом оба эти инструмента не приводили к значимому успеху и не способствовали построению устойчивого государства.

Как отмечает Р. Брубейкер, государство является мощным «идентификатором», поскольку оно располагает материалом и символическими ресурсами, позволяющими насаждать категории, классификационные схемы и способы социального подсчета и отчетности, с которыми должны работать чиновники, судьи, учителя и врачи и которые должны иметь в виду негосударственные акторы [3. С. 92—93]. Вместе с тем государство не владеет монополией на производство и распространение идентификаций и категорий.

Такая монополия всегда оспаривается. Так, украинский этнонационализм существует в конкурентном поле с советской украинской и постсоветской идентичностью. Укорененность (и даже доминирование) русского языка и общая историческая и культурная память служили способом консервации советской надэтнической общности, что означало, в свою очередь, консервацию распада СССР в тех границах, которые сложились в 1991 г. Образование современного государства под названием Украина, исходя из сложившихся территориально-административных границ УССР, лишь предваряло фактический распад советской общности. Насколько долгим и болезненным мог оказаться этот процесс, зависело от потенциала и гибкости советской надэтнической общности и действий политической элиты (ее отдельных групп и представителей).

Насильственная смена власти на Украине в феврале 2014 г. прошла под взаимомисключающими лозунгами построения гражданского общества (нации-государства) и этнонационализма. Радикальное решение вопроса построения нации-государства и, как следующий шаг, интеграции в единое европейское пространство — такова публичная дискурсивная стратегия групп политической элиты, занявших ключевые позиции в политическом пространстве Украины в результате переворота.

Перезапуск процесса строительства нации-государства отразился в первую очередь на радикализации и поляризации политического языка. Нарастающая на протяжении 20 лет «война словарей» на Украине вышла на уровень окончательной дизъюнкции дискурсов и демаркации оппонентов. «Ватники», «колорады», с одной стороны, и «укропы», «фашисты», «бандерлоги», с другой, перестали находиться в едином пространстве, по крайней мере публично.

Дальнейшее построение нации-государства для интеграции в наднациональное пространство ЕС требуют избавления от многих элементов постсоветской надэтнической общности. Вопрос о культурной и языковой автономии юго-восточных регионов Украины стал «бикфордовым шнуром» украинской государственности не только из-за отчаянных попыток политической элиты Украины построить нацию-государство, но и из-за того, что само наличие подобной автономии неизбежно приводит к такой конфигурации политического пространства, где регионам должна быть предоставлена большая политическая и экономическая са-

мостоятельность. Институционализация такой самостоятельности может принимать различные формы: федерация, национально-территориальная автономия, территории с особым статусом. Суть такой трансформации: передача властных полномочий на региональный уровень, определение перечня налогов, подлежащих зачислению в региональный бюджет, выборность должностных лиц и представительных органов на уровне субъекта.

Примечательно, что в современной Украине первым политическим лидером, настаивавшим на необходимости федерализации Украины еще в начале 1990-х, являлся украинский диссидент, представитель западноукраинской части украинской элиты Вячеслав Черновол [11]. Вслед за ним эстафету перехватили уже лидеры восточной части Украины (например, губернатор Харьковской области Евгений Кушнарев), пытавшиеся реализовать в 2004 г. проект Юго-Восточной Украинской автономной республики в составе Украины. Проекты федерализации на Украине являются также и объектом научных исследований [см.: 2; 6; 11; 16; 22; 23].

Однако реализация сценариев по построению федеративного государства в современной Украине невозможна, поскольку большая самостоятельность отдельных регионов Украины приведет к укреплению их связей с Россией и дальнейшей консервации советской надэтнической общности, что прямо противоречит стратегии политической элиты Украины по построению нации-государства (для дальнейшей интеграции в ЕС).

Таким образом, стремление регионов к самостоятельности и расширению полномочий, а также наличие устойчивых связей с Россией стало восприниматься как наибольшая угроза проекту построения украинской государственности.

При этом юго-восточные регионы страны воспринимаются как коллективный «титущка» (3), внутренний Восток, мешающий интегрироваться в европейское пространство.

Как отмечает российский исследователь Д.Е. Ефременко, если первые 23 года своего независимого существования Украина весьма неуверенно развивалась под брендом «Украина — не Россия», то теперь бренд меняется на «Украина — анти-Россия». Если же антироссийская направленность становится нациеформирующей идеей, то, скорее всего, даже федерализация не сможет ничего изменить [8].

Более того, по мнению Жака Сапира, идея федеративного решения кризиса на востоке Украины окончательно умерла вместе с погибшими солдатами с обеих сторон в августе 2014 г. [27].

Хотя кризис на Украине 2014 г. является лишь одним из череды кризисов, происходящих на протяжении всего периода независимости, спецификой событий 2014 г. является не только форсирование сценария построения нации-государства украинской политической элитой, но и открытое вмешательство основных международных акторов (США, ЕС и России) в процесс реорганизации политического пространства Украины и ультимативное требование каждой из сторон в окончательном цивилизационном выборе.

На противоречия, разрывающие Украину изнутри, накладывалось наличие внешних конкурирующих интеграционных проектов — Европейский Союз и Та-

моженный союз. Происходила постепенная инкорпорация украинского политического пространства как европейским, так и российским политическим пространством в качестве объекта интеграционных стремлений. При этом проблемы европейской политики стали проблемами двусторонних отношений России и Украины [13. С. 3].

В результате конкуренция проектов подталкивала политическую элиту Украины к попыткам извлечь прибыль из собственного кризиса. Нарастание кризиса и невозможность сохранить внеблоковый статус сужало пространство для лавирования, и очевидно, что внутриукраинский кризис перерастал в международный. Так, еще в 2009 г. Е. Примаков отмечал, что планы вступления Украины в НАТО приводят к «антагонизму» отношений не только России с Украиной, но и с Западом [18. С. 183]. К тому же возрастают антироссийские и антизападные настроения в целом, что приводит к поляризации как внутри Украины, так и внутри европейского континента.

2014 год окончательно перевел внутриукраинский конфликт в международную плоскость. Проблема формирования надэтнической общности и построения нации-государства на Украине стала общемировой проблемой.

Как отмечает американский аналитик Чез Фримен, вереница кризисов на Балканах в начале XX в. привела к тому, что конкуренция между военными блоками пришла на смену осторожному балансированию интересов, преобладавшему в XIX столетии [24].

Вереница кризисов на Украине привела к открытому противостоянию России и Запада и лишила украинскую политическую элиту возможности прежнего маневрирования. Статус-кво окончательно нарушен и публично расторгнут. Логика развертывания противостояния делает его участников заложниками своих действий. Таким образом, ткань постсоветской надэтнической общности на Украине оказалась разорванной, и ее синхронически взаимообусловленные составные элементы (дискурс построения нации-государства и имперский дискурс) стали полюсами с небольшим числом точек соприкосновения.

Анализ украинского кризиса позволяет автору сделать ряд выводов.

Гибридность и раскол украинского политического пространства преодолеть не удалось, но формально границы раскола сместились резко на восток (линия противостояния украинской армии и ДНР, ЛНР).

При этом этнические и политические чистки будут продолжаться вне зависимости от дальнейшей судьбы Донбасса, поскольку сублимированный раскол будет проявлять себя как в несистемном поле (действия одесских, харьковских «партизан», теракт в клубе «Стена» в Харькове 9 ноября, захват Винницкой областной администрации 6 декабря 2014 г.), так и в электоральном поле (9,4% голосов за «Оппозиционный блок» при 50-процентной явке на внеочередных парламентских выборах на Украине, прошедших 26 октября 2014 г.).

Большая часть игроков украинского политического пространства будет продолжать курс на строительство нации-государства через этнонационализм, наталкиваясь на все большее сопротивление. Другая часть политических акторов будет

пытаться встраиваться в квазиимперское надэтническое пространство через реализацию проекта «Новороссия», который станет завоевывать поддержку по мере реализации строительства национального государства в его радикальном формате. При этом если формальная демаркационная линия между двумя сторонами становится новой Берлинской стеной, разделяющей не столько Украину, а скорее силовые поля европейского и евразийского интеграционных объединений, то линия внутриукраинского раскола остается подвижной из-за невозможности преодолеть до конца гибридный характер украинского политического пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Гражданскую модель нации-государства принято называть также «французской», а этническую (культурную) — «немецкой».
- (2) Под бессубъектностью (анонимностью) здесь понимается отсутствие лидеров и политических партий (групп), способных взять на себя ответственность за развитие страны, обладающих стратегическим видением развития страны и ставящих интересы государства выше интересов личных и партийных.
- (3) «Титушки» — термин, возникший на Украине изначально для именовании организованных групп людей, используемых в качестве наемников для организации политических провокаций, в том числе с применением силы. В украинских СМИ термин нередко используется для именовании совокупности всех выступающих против Евромайдана и евроассоциации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Андерсон Б.* Воображаемые общности. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- [2] *Андрощук О.* Чорновіл та ідея федералізації України: еволюція поглядів // Український історичний журнал. 2010. № 1.
- [3] *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- [4] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 2001.
- [5] *Гельман В.* Украина: фрагментированное пространство // СССР после распада. СПб.: Экономическая школа, 2007.
- [6] *Григорьянц В., Жильцов С., Ишин А., Мальгин А.* Федерализация Украины: к единству через разнообразие. М.: Восток-Запад, 2011.
- [7] *Ефимов С.* Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989—2001 гг. // История и современность. 2009. № 1.
- [8] *Ефременко Д.* За флажки // Журнал «Россия в глобальной политике». 2014. № 3, май—июнь.
- [9] *Жильцов С.* Украина. 20 лет пути к независимости. М.: Восток—Запад, 2012.
- [10] *Жильцов С.* Украина: перезагрузка... М.: Восток—Запад, 2009.
- [11] *Ирхин А.* Модели распада Украины: геополитический и конфессиональный факторы. URL: <http://newworldsystems.ru/blog/geopolitics/5096.html>.
- [12] *Калхун К.* Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
- [13] *Корэйба Якуб Войчех.* Проблемы европейской политики в отношениях между Россией и Украиной: автореферат дисс. ... кандидата политических наук. М., 2013.
- [14] *Кузнецова Е.* Формирование гражданской нации в современных Грузии и в Украине: автореферат дисс. ... кандидата политических наук. СПб., 2012.
- [15] *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2010.

- [16] Мальгин А. Украина: Соборность и регионализм. Симферополь: СОНАТ, 2005.
- [17] Миллер А. Государство и нация в Украине после 2004 г.: Анализ и попытка прогноза // Политическая наука. 2008. № 4.
- [18] Примаков Е. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009.
- [19] Рябчук М. Кто самая большая рыба в украинском пруду? Новый взгляд на отношения большинства и меньшинства в постсоветском государстве // Диаспоры. 2002. № 2.
- [20] Сизоненко В. К вопросу о легитимности власти на Украине // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2012. № 4.
- [21] Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор теорий современных наций и национализма. М.: Праксис, 2004.
- [22] Табачник Д. Утиный суп по-украински: Беседы с украинским политиком: диалоги с глухими. Харьков: Фолио, 2008.
- [23] Федерализация Украины: Единство или распад государства? М.: Европа, 2006.
- [24] Фримен Ч. Когда бессильна дипломатия // Россия в глобальной политике. 3 сентября 2014. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kogda-bessilna-diplomatiya-16917>.
- [25] Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998.
- [26] Renan E. Nation and Narration. London: Routledge, 1990.
- [27] Sapir J. Ukraine: Présent et Avenir. URL: http://russeurope.hypotheses.org/2846#_ftn7.

REFERENCES

- [1] Anderson B. *Voobrazhaemye obshhnosti. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma*. М.: Kanon-Press-C, 2001.
- [2] Androshhuk O. Chornovil ta ideja federalizacii Ukraini: evoljucija pogljadiv. *Ukrains'kij istorichnij zhurnal*. 2010. — № 1.
- [3] Brubejker R. *Jetnichnost' bez grupp*. М.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012.
- [4] Gellner Je. *Nacii i nacionalizm*. М.: Progress, 2001.
- [5] Gel'man V. Ukraina: fragmentirovanoe prostranstvo. *SSSR posle raspada*. SPb: Jekonomicheskaja shkola, 2007.
- [6] Grigor'janc V., Zhil'cov S., Ishin A., Mal'gin A. *Federalizacija Ukrainy: k edinstvu cherez raznoobrazie*. М.: Vostok-Zapad, 2011.
- [7] Efimov S. Kuda ischezli russkie, ili «soobshhajushhiesja sosudy» jetnojazykovej samoidentifikacii: Ukraina, 1989—2001 gg. *Istorija i sovremennost'*. 2009. № 1.
- [8] Efremenko D. Za flazhki. *Rossija v global'noj politike*. 2014. № 3, maj—ijun'.
- [9] Zhil'cov S. *Ukraina. 20 let puti k nezavisimosti*. М.: Vostok—Zapad, 2012.
- [10] Zhil'cov S. *Ukraina: perezagruzka...* М.: Vostok—Zapad, 2009.
- [11] Irhin A. *Modeli raspada Ukrainy: geopoliticheskij i konfessional'nyj faktory*. URL: <http://newworldsystems.ru/blog/geopolitics/5096.html>.
- [12] Kalthun K. *Nacionalizm*. М.: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2006.
- [13] Korjejbа Jakub Vojcheh. *Problemy evropejskoj politiki v otnoshenijah mezhdru Rossiej i Ukrainoj*: avtoreferat dis. ... kandidata politicheskikh nauk. М., 2013.
- [14] Kuznecova E. *Formirovanie grazhdanskoj nacii v sovremennyh Gruzii i v Ukraine*: avtoreferat dis. ... kandidata politicheskikh nauk. SPb., 2012.
- [15] Malahov V.S. *Nacionalizm kak politicheskaja ideologija*. М.: KDU, 2010.
- [16] Mal'gin A. *Ukraina: Sobornost' i regionalizm*. Simferopol': SONAT, 2005.
- [17] Miller A. Gosudarstvo i nacija v Ukraine posle 2004 g.: Analiz i popytka prognoza. *Politicheskaja nauka*. 2008. № 4.
- [18] Primakov E. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaja blizorukost'*. М.: ИИК «Rossijskaja gazeta», 2009.

- [19] Rjabchuk M. Kto samaja bol'shaja ryba v ukrainskom prudu? Novyj vzgljad na otnoshenija bol'shinstva i men'shinstva v postsovetskom gosudarstve. *Diaspory*. 2002. № 2.
- [20] Sizonenko V. K voprosu o legitimnosti vlasti na Ukraine. *Vestnik RUDN. Serija «Politologija»*. 2012. № 4.
- [21] Smit Je. *Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor teorij sovremennyh nacij i nacionalizma*. M.: Praksis, 2004.
- [22] Tabachnik D. *Utinyj sup po-ukrainski: Besedy s ukrainskim politikumom: dialogi s gluhimi*. Har'kov: Folio, 2008.
- [23] *Federalizacija Ukrainy: Edinstvo ili raspad gosudarstva?* M.: Evropa, 2006.
- [24] Frimen Ch. Kogda bessil'na diplomatija. *Zhurnal «Rossija v global'noj politike»*. 3 sentjabrja 2014. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kogda-bessilna-diplomatiya-16917>.
- [25] Hobsbaum Je. *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda*. SPb.: Aletejja, 1998.
- [26] Renan E. *Nation and Narration*. London: Routledge, 1990.
- [27] Sapir J. *Ukraine: Présent et Avenir*. URL: http://russeurope.hypotheses.org/2846#_ftn7.

UKRAINE: RADICAL SOLUTION OF THE NATION-BUILDING'S PROBLEM

M.V. Kosmachev

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukha-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the problem of nation building in Ukraine. After 1991 Ukrainian political elite is forced to preserve the status quo and maneuver between the practice of constructing supra-ethnic community in the form of the nation-state or in the form of the empire. The coup d'état proceeded in Ukraine in February 2014 and further confrontation demonstrate a commitment of elite groups to the line of the nation-state building in its radical form. The execution of the chosen line is only possible by force of ethno-nationalism and ethnic cleansing.

Key words: Ukraine, nation-state, supra-ethnic community, political space, regional identity, ethnic nationalism, federalism.